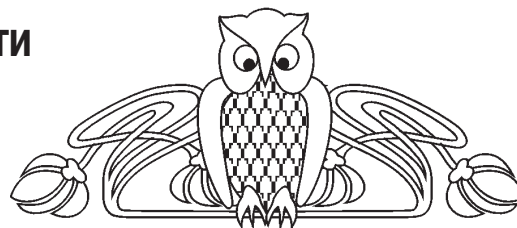

УДК 167

ИДЕЯ СОБОРНОСТИ И ЕЕ КРИЗИС В ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Фролова Светлана Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры и культурологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

В статье проводится краткий анализ феномена «соборность» как религиозного, духовного и философского понятий, оказавших огромное влияние на формирование русского самосознания. Подчеркивается, что соборность как неотъемлемая черта русского человека проявляется в различных аспектах его жизнедеятельности. Сделан анализ теоретического осмысления соборности мыслителями XIX в., а также анализируется понимание русского православного феномена современными исследователями. Особое внимание уделено проявлению соборности в социальной сфере. Акцентируется внимание на том, что принципы соборности формировались на Руси не одно тысячелетие, следовательно, разрушить многовековые устои посредством кардинальных директив невозможно. Рассматривается изменение в годы советской власти основных принципов соборности, к которым автор относит православие, крестьянскую поземельную общину, институт семьи и внутрисемейные отношения. Проанализированы причины, способствующие модификации соборных устоев жизнедеятельности русского человека. Основное внимание уделено таким явлениям, как принижение роли крепкого крестьянина, урбанизация и интенсивное развитие промышленности. Подчеркивается, что изменение соборности – это закономерный процесс, вызванный необходимостью исторического развития общества, в котором сохраняются основные его принципы.

Ключевые слова: соборность, православие, всеединство, духовная основа бытия, кризис соборности.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-183-188

Соборность – русско-православный феномен, который не только подчеркивает особенность формирования сознания русского народа, но и указывает на своеобразный, отличный от других, путь организации общественных отношений. В современных условиях развития российского общества тема соборности все больше привлекает исследователей: одни это объясняют возродившимся интересом «к наследию русской религиозной философии» и «необходимостью удостовериться заново в собственных духовных и культурных истоках» [1], другие видят в соборности «путь спасения России из кризиса и бездуховности» [2, с. 319], третьи пытаются разглядеть «в проектах, выдвинутых в истории каждого общества, идеи, востребованные в условиях его современной жизни» [3, с. 203] и выработать через призму идеи соборности стратегию действий. Это понятно, ведь кризис

обусловлен многими факторами, среди которых определяющими являются особенности развития общества и его историческое прошлое.

Исследователями справедливо подчеркивается, что своеобразие, оригинальность и «особость» русского народа определяется соборностью, «на базе которой складывалась вся великороссийская культурно-историческая и политическая общность», позволяющая сохранять без нарушения внутреннюю целостность России при «значительном расширении русской цивилизации на инородческие и инокультурные области» [4].

Теоретическое обоснование соборности, как известно, наиболее полно раскрыто в философском творчестве А. С. Хомякова, но, согласно В. В. Зеньковскому, идея соборности «не была ни его личным созданием, ни его индивидуальным планом» [5, с. 5], поскольку она сложилась на основе особого, отличного от западного, понимания христианства. Считаем необходимым акцентировать на этом внимание: ведь понятие соборности, означающее церковное единство православных христиан, формировалось на Руси не одно тысячелетие. Этому, безусловно, способствовали вечевые собрания, идея централизованного государства, получившая свое развитие на Руси в XIV в., и, наконец, – община, которая не только помогала выжить человеку в условиях суровой реальности, но и определяла смысловую направленность его действий.

С. Хоружий считает, что соборность как «идеальный принцип бытия» больше соответствует характеристике сверхэмпирического бытия, которому сложно найти соответствие в земной жизни, и потому вводится понятие «соборность» как наиболее соответствующее этому принципу. Если соборность – это идеал, которому сложно соответствовать в земной жизни, то понятно мнение А. Вишневецкого о том, что «соборность – лишь идеальный принцип, который даже и в классических холистских обществах реализуется только с некоторым приближением, с неизбежными нарушениями, искажениями и пр.» [6, с. 161]. Возможно, это так, но идея единства,

заложенная в принципе соборности, неоднократно помогала русскому народу сплотиться и одержать блестящие победы над внешним врагом, перенести многие социальные катаклизмы и при этом сохранить неисчерпаемый клад доброты, милосердия, способности к состраданию. Если эти качества так просто обретаются благодаря только идее (в данном случае, идее соборности), то почему западное общество, всегда так ревностно воспринимающее великие победы русских, не внедрило этот принцип у себя? Видимо, причина особенности силы духа русского человека невозможно объяснить только одним принципом. Сложно опровергнуть, что для формирования удивительных качеств русского человека кроме соборности необходимы другие ценности и понятия, формирующие и укрепляющие этот принцип, но основание «единства во множестве» имело немаловажное значение в развитии этих качеств.

Полагаем, что социальный аспект соборности на Руси, как уже было отмечено, обусловлен особенностью формы общественного бытия – крестьянской поземельной общиной. Община противостояла тотальному индивидуализму, способствовала накоплению богатейшего опыта принятия совместных решений, при этом она не ограничивала личную инициативу крестьянина и препятствовала перекладыванию мелких индивидуальных проблем на плечи коллектива. Таким образом, община, объединившая социально важные значения с общественной реальностью и поведенческими предпочтениями индивидов, как и православие, внесла неоспоримый вклад в формирование устоев соборности.

В современных исследованиях кризис соборности часто связывают с политикой большевиков. Несомненно, советская антирелигиозная пропаганда, призыв к отказу от традиций прошлого и изменение структур управления нанесли мощнейший удар по принципу соборности, но то, что непоколебимо, – сложно разрушить, даже в случае очень сильного воздействия. Если изменения и были, то этому, вероятно, способствовала совокупность множества факторов. Здесь заслуживает внимания мнение исследователей о том, что началом нарушения устойчивости соборного мира стали реформы Петра I, направленные на преобразование не только государственной власти, но и жизнедеятельности простого обывателя. Безусловно, реформа царского правления, которое до XVIII в. «опиралось на религиозные основания (отсюда ее ориентация на традицию и обычай)», установление приоритета светской власти и «единоличное сосредоточение высших полномочий в лице правящей персоны монар-

ха» [7, с. 88], имело определенное воздействие на идею соборности, но оно, скорее, являлось преобразующим, а не подрывающим основные принципы этого феномена. В дальнейшем рост производства, социальные преобразования, изменение устоев повседневной жизнедеятельности деревенского жителя внесли коррективы в идею соборности, но они были слишком незначительными для того, чтобы констатировать существенные перемены основных характеристик соборности, поскольку оставался непоколебимым главный ее признак – православие.

Православие как основа соборности оказало существенное влияние как на развитие образа жизни русского человека, так и на формирование русской философии. Полагаем, что феномен соборности также обусловил появление такого понятия в русской философии как всеединство (основатель – С. М. Соловьев). П. А. Флоренский, развивший в своем учении идеи всеединства, справедливо считал, что бытие само по себе уже располагает к единению. Он пишет: «Живя, мы соборujemy сами собой – и в пространстве, и во времени, как целостный организм, собираемся воедино из отдельных взаимоисключающих – по закону тождества – элементов, частиц, клеток, душевных состояний и пр. и пр. Подобно мы собираемся в семью, в род, в народ и т. д., собираясь до человечества и включая в единство человечности весь мир» [8, с. 343], но при этом, подчеркивает о. Павел, соборование есть «собираение точек зрения» в определенный центр, формирующий схему порядка.

Понятно, что такая схема не допускает хаоса, спонтанности и импульсивности построения, поэтому любые социальные (структурные) изменения требуют определенной адаптации к ним. Как уже было сказано, к моменту победы большевиков идея соборности испытала частичные перемены, но они были латентными и противоречивыми в отличие от тех, которые привнесла в общество победа большевиков. Радикализм нововведений новой власти, повлиявший на устои идеи соборности, проявился, прежде всего, в отношении к религии и духовенству.

На Руси, как и в русской философии, «важнейшим составляющим человеческого духа является вера, вера религиозная, принимающая существование Бога» [9, с. 34]. Исследователями справедливо отмечено, что государственная власть в России до 1917 г. не отходила в «нормализующих суждениях» от постулатов православной церкви, «переплетение истинной веры и обыденной религиозности было настолько причудливо и крепко, что позволяло до определенного момента удерживать общество от реши-

тельных перемен» [10, с. 170]. Атеистическая направленность действий новой власти, пишет Н. Лебина, не только способствовала ослаблению «мировоззренческого нормализующего влияния» православной церкви, она взяла право контроля за всеми сферами человеческой жизни, что, несомненно, деформировало одну из сторон соборности – свободу *духовной* солидарности людей.

С. Франк в работе «Духовные основы общества» к основной форме соборности относил брачно-семейное единство. Надо отметить, что важнейшая составляющая соборности – институт семьи и внутрисемейные отношения – также претерпели значительные модификации. Начало разрушению патриархальных представлений о семье положили многочисленные репрессии, а также Гражданская и Первая мировая войны, приведшие к тому, что многие семьи остались без мужчин. Полагаем, что это не только нарушало укоренившееся понимание семьи как важной составляющей совместного бытия, но и сильно повлияло на перераспределение ролей и изменение статусных позиций внутри семьи, нарушило традиционное представление о ее составе (структуре).

Трансформации семьи способствовали как антирелигиозная пропаганда, спровоцировавшая конфликт поколений, так и принцип «полового либерализма», определяющий право независимого «самоопределения полов», сформированный на утопическом представлении об отмирании семьи в недалеком будущем, что, несомненно, меняло взаимоотношения между супругами. Но более всего, на наш взгляд, разложению вековых семейных устоев способствовали одобряемые и провоцируемые властными структурами отказы детей от своих родителей, «не соответствующих» требованиям советского общества по классовому признаку. Такое разрушение «брачно-семейного единства» не только негативно отразилось на неразрывно связанном с православной традицией принципе соборности, но способствовало трансформации существующих прежде установок každодневногo со-бытия людей.

Как принцип соборность в российском обществе являлась преобладающей «до тех пор, пока экономические и прочие перемены не подорвали “власть земли” и не поставили под сомнение сам соборный идеал» [6, с. 161]. Мы разделяем мнение А. Вишневого о том, что «власть земли» была утрачена из-за роста промышленного производства и массового переселения крестьян в города (мы уделим этому внимание чуть позже), что сыграло немалую роль в отрыве крестьянина от земли, но полагаем, что первоосновой этого явления выступает идеология новых властей,

которая 1) не видела различий между понятиями «общинный» и «коллективный», 2) выступала против частной собственности.

Имеет смысл обратить внимание на точку зрения Ф. Степуна [11], который неслучайно подчеркивал, что соборность практически не имеет сходств с коллективизмом, на этом акцентировал внимание и Н. Бердяев. Рассуждая о коммюнитарности (общинности) и коллективизме, Бердяев не допускает смешения этих терминов и обращает внимание на то, что «“мы” в соборности не есть коллектив. Коллективизм не соборность, а сборность» [12, с. 344]. На Руси понятие соборности неразрывно было связано с общинностью, которая не ограничивала личную инициативу крестьянина, оставляя за ним право самостоятельного распоряжения результатами своего труда.

Введенная в первые годы советской власти хлебная монополия «не только радикально усугубила трудности в обеспечении населения провизией <...>, но и содействовала расшатыванию экономических устоев огромной страны <...>» [13, с. 14]. Согласно А. Давыдову, этому способствовало и игнорирование национальных особенностей развития сельского хозяйства России, и ориентир «многих русских интеллигентов» на западную модель развития, хотя большевики категорически отрицали сближение в развитии российского и западного обществ, и слабость нового правительства. Полагаем, что к сказанному следует добавить игнорирование веры в безмерную власть земли-благодетельницы и кормилицы.

Немаловажное значение не только в изменении соборности, но и в снижении заинтересованности крестьянина в своем труде имели действия власти большевиков: принятие в 1917 г. закона «О передаче хлеба в распоряжение государства», установка твердых, но очень низких и потому невыгодных для землепашца-производителя цен на все виды зерновых, а также политика в области распределения продуктов и борьба с зажиточными крестьянами как представителями «последнего эксплуататорского класса». Раскулачивание кроме того, что подрывало авторитет и само понятие крепкого хозяина-крестьянина, по-иному позиционировало «беднейшего крестьянина», который в глазах новой власти выступал как человек, который из-за нещадной эксплуатации крестьянином-работодателем (кулаком) был лишен возможности работать на своем участке (если таковой имелся) и правильно организовать свой труд.

В реальности работа в сельском хозяйстве требовала не только опыта и практических на-

выков, но и знаний, которыми обладали далеко не все крестьяне: «Тот, кто не умел жить “своим загадом”, любил поспать подольше, понежиться в холодке, посидеть с удочкой, да просто выпить, был обречен на бедность, даже нищету или на долю батрака» [14, с. 99]. Общеизвестно, что благосостояние *небольших* крестьянских хозяйств в большинстве случаев обеспечивалась стараниями одной семьи без привлечения наемной силы, и лишь «хозяйства с размером земли более 5000 десятин полностью основывались на наемном труде» [15]. Следовательно, когда сельское хозяйство лишилось людей трудолюбивых, способных к принятию решений, умеющих просчитывать ситуацию и придерживающихся традиционных принципов бытия, то изменились и само сельское хозяйство, и межличностные отношения, и смысловая направленность действий субъектов, способствовавшая иному проявлению индивидуализма (каждый за себя) в условиях *навязываемого* коллективизма. Все это, несомненно, нарушало органическое единство коллективного и индивидуального, заложенное в идее соборности, но не разрушало её.

Преобразование сельского хозяйства, а также «раскулачивание, голод и коллективизация гнали людей из деревни, а рабочие руки в связи с начавшейся индустриализацией город поглощал с жадностью» [14, с. 261]. Переезд сельских жителей в города внес изменение в привычные институциональные устои бытия бывших сельчан. Во всякого рода объединениях и корпорациях, искусственно создаваемых советской властью, была одна цель – восстановление порядка и приведение к единому институциональному знаменателю пестрое многообразие жителей городов. Крестьянство же, как отмечал О. Шпенглер, «связанное корнями с почвой, обитающее у врат больших городов <...> после исчезновения старых сословий дворянства и духовенства <...> оказывается единственным органическим человеком, пережитком былой культуры», которому «нет места ни в стоическом, ни в социалистическом мышлении» [16, с. 540], но именно крестьянин, не утративший еще соборных устоев существования, становится вдохновителем новой упорядочивающей системы советского бытия, опирающейся, как отметил А. Г. Вишневский, не на самостоятельное частное лицо, а на «соборного человека», включенного в какие-то новые формы коллективности, соответствующего потребностям советского общества [6, с. 177].

Коллективистские корни новых горожан были настолько сильны, что они даже в условиях городской среды тяготели к подобию общинности: условия их быта (коммунальные квартиры,

бараки) располагали к общности и прозрачности бытия. Смеем предположить, что если бы не рабочие из бывших крестьян, привыкшие к тяжелому труду и аскетичному быту, то новым властям было бы намного сложнее построить систему управления и убедить в необходимости новых условий повседневного сосуществования, которые были крайне тяжелыми, рабочих. В исследовании Л. Беловинского отмечено, что кроме низкой заработной платы в самом начале 1940-х гг., предполагались и бесконечные сверхурочные работы, семидневная рабочая неделя, а также невозможность перехода на другую работу, поскольку за «текучесть кадров» несла ответственность администрация [14, с. 643].

Переезд из деревни в город кардинально менял повседневное бытие людей, этому способствовали и всеобщее обучение грамоте, и доступность образования. Теперь «городской» человек «совершает – или не совершает – те или иные поступки не потому, что ищет одобрения или боится осуждения соседей, начальства, Бога, а потому, что может опереться на свое внутреннее убеждение, на усвоенную в ходе социализации развитую систему ценностей» [6, с. 182]. Изменение аксиологического базиса, как известно, формирует новые знания о бытии и преобразует практическую деятельность человека, поэтому, когда государство постепенно вытеснило сельскую общину, взяв на себя контролирующие функции, сформировались иные культурные и нравственные предпочтения, построенные на соборно-коллективистских принципах существования, которые умело использовало государство в своих интересах.

Таким образом, уничтожение крепкого крестьянина, урбанизация и интенсивное развитие промышленности выходили за рамки соборного синкретизма, способствовали изменению основных механизмов социального контроля и модифицировали, но не разрушили устои «человека соборного». Но заметим, это не испортило русского человека, не сделало его слабее, не лишило понимания и сострадания по отношению к другим. По верному замечанию А. Пестрецова, если русский человек отдает предпочтение государственности, а не политической свободе, то это проявление в нем не раба, а патриота, следовательно, «российская соборность есть не только растворение “я” в “мы”, но и такая социальная ориентированность (общинность), которая проявляется в доверии и взаимопомощи, регламентированности отношений не законом, а нравственностью» [17, с. 180]. Идея соборности соответствует основному принципу всеединства, когда единение осуществляется не в

ущерб, а во благо: полагаем, что в этом и заключается особенность рассматриваемого феномена.

Подводя итоги, можно отметить, что говорить о разрушении основ соборности не совсем верно. Уход от традиционных устоев, а также изменения институциональных, повседневных, экономических принципов бытия нельзя воспринимать только негативно, поскольку каждое социальное явление или определенный вид отношений обусловлен историческим периодом бытия. Также надо иметь в виду, что глобализация и повсеместное распространение массовой культуры во многом способствовали уходу от традиционных ценностей, поэтому полностью возврат к прежним устоям невозможен. Мы разделяем точку зрения А. Гулыги о том, что соборность отлична от любого вида общности своей человечностью, а это значит, что она будет существовать и в будущем, это – имманентный энергетический потенциал, связывающий религиозный, культурный, нравственный и чувственно-эмоциональный аспекты, сохраняющий внутренние установки общественного бытия. Поэтому кризис в данном случае – это не разрушение, а «поворотный пункт», спровоцировавший споры, несогласие, перемены, реформы, обусловленные необходимостью исторического развития.

Список литературы

1. Хоружий С. С. Идея соборности : ее православно-славянофильские истоки и ее перспективы в современном постсекулярном мире : доклад на Междунар. науч. собр. «Соборность и демократия» (Требиње, Босния и Герцеговина, 13–16 июня 2012 г.). URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/10/horuzhy_sobornost_2012.pdf (дата обращения: 10.01.2017).
2. Мищенко А. В. О соборности как понятии духовном, религиозном и философском // Вестн. Мурм. гос. техн. ун-та. 2011. Т. 14, № 2. С. 319–324.
3. Масланов Е. В. Славянофилы о «соборности» и «общинности» // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2009. № 4 (16). С. 203–208.
4. Бульчев Ю. Ю. Народность, нация и национальный дух как первоначала человеческого существования // Русское самосознание : филос.-ист. журн. 1999. № 6. URL: <http://russamos.narod.ru/06-05.htm> (дата обращения: 23.11.2016).
5. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Л., 1991. Т. 1, ч. 2. 281 с.
6. Вишневский А. Г. Серп и рубль : консервативная модернизация в СССР. 2-е изд. М., 2010. 430 с.
7. Юрков С. Е. Под знаком гротеска : антиповедение в русской культуре (XI – начало XX вв.). СПб., 2003. 210 с.
8. Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Флоренский П. А. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2. 449 с.
9. Фролова С. М., Егорова С. Б. Нравственные идеалы в рамках философии всеединства Вл. Соловьева // Социальные идеалы в стратегиях общественного развития : межвуз. науч. сб. : в 2 ч. Ч. 1. Саратов, 2005. С. 34–38.
10. Лебина Н. Советская повседневность : нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. 488 с.
11. Степун Ф. А. О свободе (демократия, диктатура и «Новый град») // Степун Ф. А. Чаемая Россия. СПб., 1999. 477 с.
12. Бердяев Н. Царство Духа и Царство Кесаря. М., 1995. С. 288–356.
13. Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть 1917–1921 гг. : мешочки. СПб., 2002. 341 с.
14. Беловинский Л. В. Культура русской повседневности. М., 2016. 716 с.
15. Состояние сельского хозяйства России в начале XX века. Аграрная реформа П. А. Столыпина. URL: <http://economylit.online/history-ekonomik/sostoyanie-selskogo-hozyaystva-rossii-nachale.html> (дата обращения: 28.12.2016).
16. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. 663 с.
17. Пестрецов А. Ф. Соборность – константа русского национального самосознания // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 176–181.

Образец для цитирования:

Фролова С. М. Идея соборности и ее кризис в период советской действительности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 183–188. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-183-188.

The Idea of Conciliarity and Its Crisis in the Period of Soviet Reality

S. M. Frolova

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

The article provides a brief analysis of the phenomenon of «conciliarity» as a religious, spiritual, and philosophical concept, which has had a huge impact on the formation of the Russian identity. It is emphasized that conciliarity, as an inherent feature of the Russian man, is manifested in various aspects of Russian people's life. In the present work, an analysis of theoretical understanding of conciliarity by XIX century thinkers, as well as understanding of the Russian Orthodox phenom-

enon by contemporary researchers is carried out. The focus is on the conciliarity manifestation in the social sphere. Attention is drawn to the fact that the principles of conciliarity in Russia had been forming for over a millennium, therefore it is impossible to destroy the centuries-old foundations by means of radical directives. The transformation of the basic principles of conciliarity, to which the author refers Orthodoxy, the peasant land commune, the institution of family and family relations, in the Soviet times is considered. The reasons for the modification of the conciliar foundations of the Russian human life are analyzed. The main attention is paid to such phenomena as urbanization, intensive industrial development, and belittling the role of a strong peasant. The article stresses that the change of conciliarity is a natural process caused by the necessity for the historical development of society, during which its basic principles are preserved.

Key words: conciliarity, orthodoxy, unitotality, spiritual basis of life, conciliarity crisis.

References

1. Khoruzhiy S. S. *Ideya sobornosti: ee pravoslavno-slavyanofilskie istoki i ee perspektivy v sovremennoy postsekulyarnom mire: doklad na Mezhdunar. nauch. sobr. «Sobornost i demokratiya»* (The idea of conciliarity: its Orthodox-Slavophil ancestry and its prospects in the modern post-secular world: speaker papers at the International academic convention «Conciliarity and Democracy») (Trebinje, Bosnia and Herzegovina, June 13–16, 2012). Available at http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/10/horuzhy_sobornost_2012.pdf (accessed 10 January 2017) (in Russian).
2. Mishchenko A. V. O sobornosti kak ponyatii dukhovnom, religioznom i filosofskom (On the conciliarity as a spiritual, religious and philosophic concept). *Vestn. Murm. gos. tekhn. un-ta* (Scientific Journal of Murmansk State Technical University), 2011, vol. 14, no. 2, pp. 319–324 (in Russian).
3. Maslanov E. V. Slavyanofily o «sobornosti» i «obshchinnosti» (Slavophiles on the «conciliarity» and «communalism»). *Vestn. Nizhegor. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Sotsial. nauki* (Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgor. Ser. Social Sciences), 2009, no. 4 (16), pp. 203–208 (in Russian).
4. Bulychev Yu. Yu. Narodnost, natsiya i natsionalnyy dukh kak pervonachala chelovecheskogo sushchestvovaniya (Ethnicity, nationality and national spirit as the arche of human existence). *Russkoe samosoznanie. Filos.-ist. zhurn.* (Russian identity: Philosophic and historical journal), 1999, no. 6. Available at <http://russamos.narod.ru/06-05.htm> (accessed 23 November 2016) (in Russian).
5. Zenkovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii: v 2 t.* (History of Russian philosophy: in 2 vol.). Leningrad, 1991, vol. 1, pt. 2, 281 p. (in Russian).
6. Vishnevskiy A. G. *Serp i rubl: konservativnaya modernizatsiya v SSSR* (Sickle and ruble: conservative modernization in USSR). 2nd ed. Moscow, 2010. 430 p. (in Russian).
7. Yurkov S. E. *Pod znakom groteska: antipovedenie v russkoy kulture (XI – nachalo XX vv.)* (Under the sign of grotesque: anti-behavior in the Russian culture (XI – early XX century)). St. Petersburg, 2003. 201 p. (in Russian).
8. Florenskiy P. A. *U vodorazdelov mysli* (At the watershed of thought). Florenskiy P. A. *Soch. : v 2 t.* (Writings: in 2 vol.). Moscow, 1990, vol. 2, 449 p. (in Russian).
9. Frolova S. M., Yegorova S. B. *Nravstvennye idealy v ramkakh filosofii vseedinstva VI. Solov'eva* (Moral ideals within the philosophy of unity by V. Solov'ev). *Sotsialnye idealy v strategiyakh obshchestvennogo razvitiya: mezhd. nauch. sb.: v 2 ch.* (Social ideals in the strategies of social development: Intercollegiate scientific collection: in 2 pt.). Saratov, 2005, pt. 1, pp. 34–38 (in Russian).
10. Leбина N. *Sovetskaya povsednevnost: normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bolshomu stilyu* (The Soviet daily life: norms and anomalies. From the War Communism to the Stalinist Empire style). Moscow, 2015. 488 p. (in Russian).
11. Stepun F. A. *O svobode (demokratiya, diktatura i «Novyy grad»)* (On freedom {democracy, dictatorship and «Novyy grad»}). Stepun F. A. *Chaemaya Rossiya* (Hoped-for Russia). St. Petersburg, 1999. 477 p. (in Russian).
12. Berdyaev N. *Tsarstvo Dukha i Tsarstvo Kesarya* (The Realm of Spirit and the Realm of Caesar). Moscow, 1995. 383 p. (in Russian).
13. Davydov A. Yu. *Nelegalnoe snabzhenie rossiyskogo naseleniya i vlast' 1917–1921 gg.: meshochniki* (Illegal supply of the Russian population and authorities in 1917–1921: the speculators). St. Petersburg, 2002. 341 p.
14. Belovinskiy L. V. *Kultura russkoy povsednevnosti* (The culture of Russian daily life). Moscow, 2016. 716 p. (in Russian).
15. *Sostoyanie selskogo khozyaystva Rossii v nachale XX veka. Agrarnaya reforma P. A. Stolypina* (The condition of agriculture in Russia in early XX century. The agrarian reform of P. A. Stolypin). Available at <http://economylit.online/history-ekonomik/sostoyanie-selskogo-hozyaystva-rossii-nachale.html> (accessed 28 December 2016) (in Russian).
16. Spengler O. *The Decline of the West*. Eds. A. Helps, H. Werner. Trans. Ch. F. Atkinson. Preface Hughes H. S. New York, 1991. 415 p. (Russ. ed.: Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii*. Moscow, 1993. 663 p.).
17. Pestretsov A. F. Sobornost – konstanta russkogo natsionalnogo soznaniya (Conciliarity – a constant of the Russian national consciousness). *Vestn. Nizhegor. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Sotsial. nauki* (Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Ser. Social Sciences), 2008, no. 1 (9), pp. 176–181 (in Russian).

Cite this article as:

Frolova S. M. The Idea of Conciliarity and Its Crisis in the Period of Soviet Reality. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 183–188. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-183-188.